

RU

Восприятие Емельяна Пугачева и его армии современниками (на материале документов Тюменской воеводской канцелярии 1773-1775 гг.)

Голованова О. И.

Аннотация. Цель статьи – проанализировать восприятие народного движения под предводительством Емельяна Пугачева населением Тюменского уезда на основе документов воеводской канцелярии. Научная новизна заключается в том, что впервые предпринята попытка в контексте эпохи изучить влияние информационных потоков, связанных с вооруженными событиями 1773-1775 гг., на общую ситуацию в Тюменском уезде. Результатом научного исследования явилось следующее: народное движение под предводительством Емельяна Пугачева на границе его активных действий осознавалось и определялось словом «воровство» как обобщенное родовое понятие подобного периода Смутного времени. В сознании основной части населения оно представляло собой аномальное явление, способное расшатать и деморализовать общество.

EN

Perception of Yemelyan Pugachev's Rebellion among His Contemporaries (by the Material of Documents of Tyumen Voivode's Chancery of 1773-1775)

Golovanova O. I.

Abstract. The article analyses perception of Yemelyan Pugachev's rebellion among the population of Tyumen uyezd by the material of the documents of Tyumen Voivode's Chancery. Scientific originality of the study lies in the fact that the author for the first time shows how information campaign against the rebels influenced the overall situation in Tyumen uyezd. The following conclusions are justified: outside the rebellion area, Pugachev's uprising was defined as "gangsterism", a generic term used to describe the Time of Troubles. In public consciousness, the rebellion was perceived as an anomaly, a danger to social stability.

Введение

Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения социальных конфликтов, в которых формирование общего мнения и позиции населения отдельных территорий является важнейшим механизмом их включения или исключения из общего контекста событий.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи: во-первых, выявить источники поступления информации в Тюменский уезд, связанные с пугачевским восстанием; во-вторых, проследить употребление основных номинаций, характеризующих главных исторических персонажей с точки зрения официальной версии; в-третьих, с учетом информационных потоков изучить восприятие данного феномена обывателями уезда.

Материалом исследования послужили архивные документы, хранящиеся в Государственном архиве Тюменской области (общий объем – 970 л. скорописного текста) [3; 4].

Теоретической базой исследования являются работы отечественных специалистов А. И. Андрущенко [1], А. И. Дмитриева-Мамонова [5], В. В. Мавродина [7] и др. В настоящее время тема народного движения 1773-1775 гг. вновь становится в центре внимания ученых [8; 10-12].

Работа выполнена на стыке отечественной истории, лингвистики, а также с применением знаний источниковедения и документоведения. В рамках междисциплинарного взаимодействия использовались источниковедческие методы: отбор источников, выявление их информационной содержательности. Написание статьи потребовало знания организации истории делопроизводства для того, чтобы понять «переливание»

информации из документа в документ. В статье были использованы следующие основные исторические методы: описательный, с помощью которого возможно максимально приблизиться к реалиям данного периода; историко-сравнительный, позволивший определить специфику развития событий в регионе; хронологический, способствующий выявлению основных этапов пугачевского бунта применительно к Тюменскому уезду; историко-типологический, связанный с классификацией отдельных фактов и явлений. Важным являлся описательный метод в лингвистике, представляющий собой систему исследовательских приемов, применяемых для характеристики явлений языка на данном этапе его развития. Накопленный эмпирический материал подвергался количественной обработке.

Практическая значимость заключается в том, что материал статьи может способствовать решению общих вопросов, связанных с народным движением под руководством Емельяна Пугачева, а также использоваться при разработке регионального компонента о целостном представлении роли и места Тюменского края в истории страны.

Тюменский уезд и народное движение под руководством Е. Пугачева 1773-1775 гг.: обзор событий

Пугачевское восстание 1773-1775 гг. – это сложный феномен социальной борьбы, представляющий совместное вооруженное выступление представителей различных сословий и народностей против государственной власти. К восстанию присоединились старообрядцы, беглые крестьяне, бродяги, ссыльные, каторжники и т.д. Народным движением было охвачено огромное пространство Российской империи: Южный и Средний Урал, Среднее Поволжье и часть Сибири, южные губернии Европейской России.

Социальным «динамитом» для восставших был комплекс нерешенных проблем в государстве по отношению к податному населению. Эти «благоприятные» условия (фактор ситуации) «вытолкнули» Емельяна Пугачева на роль руководителя, который смог сфокусировать недовольства большой массы населения. Широкую поддержку имела вера в «батюшку-спасителя» Петра III и надежда крестьян на их освобождение от крепостной зависимости.

Пугачев и его Главное войско находились достаточно далеко от Тобольской губернии. На границе «вооруженного» пространства действовали авангардные повстанческие отряды. Именно такие отряды в январе 1774 г. оказались вблизи Тюменского уезда.

В Тюменском уезде не было масштабных вооруженных столкновений между правительственными войсками и пугачевцами. Однако здесь были пугачевцы-агитаторы и «сибирские» бунтари.

Обстановка во всем уезде была крайне напряженной, а город Тюмень был объявлен на военном положении с 18 февраля по 13 марта 1774 г. Дороги были завалены срубленными деревьями и засыпаны снегом. При въезде в уезд организованы караульные посты, действовала пропускная система. Вокруг населенных пунктов были построены укрепления. Воеводу, коллежского асессора Михаила Ивановича Тихомирова, по приказу Тобольского правления эвакуировали в Тобольск. На время его отсутствия руководство в уезде перешло в руки военного коменданта города, подполковника Андрея Петровича Устьянцева [13, р. 74].

Никто не мог предположить дальнейшего развития событий Объективной информации «сверху» о движении бунтовщиков в январе-феврале 1774 г. не поступало, о чем свидетельствуют документы. Осуществлялась переписка с присутственными местами близлежащих территорий, из которой можно было определить примерное местонахождение пугачевцев (например, из Шадринской управы пришло «неблагополучное известие о злодейском возмущении в самом провинциальном городе Челябине»; 19 февраля 1774 г. прислана в Тюмень промемория (сообщение) из Верхотурья: «злодейская толпа, разорив Каменский казенный завод, двинулась по разным крестьянским селениям, которая де приближалась к Шергенской слободе»; «злодеи в Беляковку вступили», «злодейская партия к Тюмени у села Кремского дорогу пресекла» и т.д.) [14, р. 1130]. Однако эта информация была неточной.

Документы подтверждают общеизвестный факт, что восстание сопровождалось множеством преступлений самого различного характера (от прямых военных действий с правительственными войсками до убийства целых семей с детьми). Очевидцы событий, бежавшие в Тюмень, свидетельствовали: «...а жителей: престарелых колют, молодых и малолетних обоего пола в полон уводят» [4, д. 5536, л. 195]. На захваченных территориях пугачевцы грабили, поджигали дома, забирали лошадей, скот и хлебные припасы.

Впереди основного войска обычно шли казаки-агитаторы, которые появлялись в населенных пунктах и зачитывали манифесты. В случае отказа присоединиться к ним – запугивали, сеяли общий страх в людях («ежели вы из домов убежите, то ваши дома все разорим и пустим на поругательство»), а также совершали различного рода преступления, вплоть до убийства («вешают и тирански мучают»). Так, или иначе, они подчиняли своей воле, уничтожали всех, кто им мешал [Там же, л. 162, 346].

Начало преломления ситуации в сторону стабилизации обстановки в Тюменском уезде произошло весной 1774 г. В архиве сохранилась копия рапорта генерал-майора князя Голицына главнокомандующему войсками генерал-аншефу лейб-гвардии премьер-майору разных орденов кавалеру А. И. Бибикову (находился в Екатеринбурге). Князь П. М. Голицын сообщил о взятии Татищевой крепости 22 марта 1774 г.: «...сокрушил бой лейб-гвардии поручик Александр Толстой, злодеи начали было бегством, но расставлены вокруг крепости деташементы путь им пресекав, истребляли и брали в полон, некоторые бросались на реку» [Там же, д. 763 а, л. 36-36, д. 5536, л. 587-588]. Что касается Пугачева, то «куда сам злодей, еже ли не погиб, между убитыми чего еще узнать было не можно» [Там же, д. 5536, л. 600]. На территориях, охваченных

восстанием, находились военные отряды под руководством генерал-поручика и кавалера И. А. Деколонга, генерал-майора князя П. М. Голицына, генерал-майора Д. П. Мансурова, генерал-майора Ф. Ю. Фреймана, подполковника И. И. Михельсона.

Постепенно, с лета 1774 г., жизнь в Тюменском уезде стала приобретать спокойный характер, однако карательные мероприятия были усилены. В неблагонадежных населенных пунктах уезда были установлены виселицы, глаголи и колеса для наказания.

Характеристика основных лексем номинаций преступников в документах Тюменской воеводской канцелярии

Информация о Пугачеве и его многочисленной армии поступала в Тюменский уезд по двум каналам: 1) официальному, который фокусировался в Воеводском правлении и фиксировался в документах канцелярии; 2) неофициальному, который распространялся между жителями уезда и близлежащих округов с помощью различных слухов, устных пересказов жителей, а также агитации пугачевцев. Содержание второго можно только предполагать через отдельные фрагменты. Например, из допроса, связанного с пресечением попытки организации бунта в Тюмени в январе 1774 г., узнаем, что подозреваемый ездил «окольную дорогою» в Беляковскую слободу «в разведку»; а другие – «слушали об объявленном [слух о намерении пугачевцев пойти на Тюмень] и соглашались» и т.д. [Там же, д. 5454 а, л. 5]. Конечно же, следует обратить внимание на сам жанр документа, поскольку информация допросных речей, полученная с пристрастием, не может являться объективной, но тем не менее в качестве примера путей ее распространения возможно привести.

С точки зрения государства, Емельян Пугачев – преступник, организовавший вооруженный мятеж против власти и нарушивший общественную безопасность. Проследим использование главных номинаций, характеризующих Пугачева (самозванец, бунтарь, разбойник и др.) и его армию (бунтари, разбойники) как субъектов преступного деяния в общем документопотоке Тюменской воеводской канцелярии.

В копиях Указов Сената (входящая распорядительная документация), а также сообщениях (входящая уведомительная документация) из правительственных отрядов, созданных в полевых условиях, зафиксированы следующие варианты лексем: «изменник Пугачев»; «возмутитель вор беглый с Дону казак Пугачев»; «известный государственный злодей и самозванец Емелька Пугачев»; его войско: «бунтовщики»; «варварская толпа»; «сообщники самозванца Емельяна Пугачева», «злодеи» и др. [Там же, д. 501, 5536].

В инструкциях, предписаниях, указах, распоряжениях, созданных в Тобольском губернском правлении, а также в сообщениях из близлежащих округов: «возмутитель, разбойник и обществу вредитель казак Пугачев»; «злодей и изменник Пугачев»; «возмутитель яицких казаков»; его армия: «преступники и пущие злодеи»; «злодея Пугачева армия», «бунтовщики»; «разбойничий набег», «толпа воровская», «злодейская партия» и т.д. [Там же].

Особое внимание следует уделить прагматическим частям исходящих документов из воеводской канцелярии (как правило, в канцелярии это черновики) и входящих в нее из волостных присутственных мест (оригиналы), т.к. именно эта часть, являясь ответной реакцией на вышестоящие, относительно свободна в поиске подходящего (с точки зрения составителей документа) смысла текста. Составители документов – это наиболее образованная часть уездного населения.

Для внутреннего письмоводства в Тюмени использовали следующие варианты лексем: «злодейская воровская партия»; «злодейская команда»; «самозванцева партия»; «воровская толпа»; «известные возмутители и злодеи»; «народные злодеи» [Там же]. В распоряжениях в волостные правления употреблялись чаще всего лексемы: «бунтовщики»; «воровская партия»; «злодеи». В ответных рапортах в тюменскую канцелярию обнаружены только лексемы «вор» и «воровское собрание» [Там же].

Анализ материала показывает, что понятие «самозванец» используется только на правительственном уровне, в составленных (не копиях!) губернских и уездных материалах нами не обнаружено. В копиях документов, пришедших из Сената, наблюдается персонификация Пугачева, подчеркивается отрицательная роль и дается оценка его действий как государственного преступника и руководителя этих грозных событий. В наших провинциальных документах, поскольку не было присутствия самого вожака, дается характеристика приближавшихся его военных частей и боевых командиров («воровская партия», «толпа»; «наперсники Пугачева», «злодейские старейшины» и т.д.) [Там же].

Нами зафиксировано два случая, когда в центре внимания находится сам Пугачев: а) поиск: «где ежели паче чаяния оной злодей Пугачев в каком либо жительстве случится, всеми силами стараться изловить. Приметами ж оной возмутитель: росту среднего, лицо смугл, волосы на голове и бороде темно-русые с седеною, во рту в верхней челюсти одного зуба нет, да и правая рука прострелена» [Там же, д. 5536, л. 665-666]; б) его поимка: «Я, верное имею известие, что бывшие в толпе злодея Пугачева и самые к нему ближние старшины Яицкого войска, видя приближение ЕЯ Императорского войска и неизбежную свою за учиненные злодеяния погибель, решили доказать государству свою услугу, схватив самого того злодея, предводителя своего Пугачева» (из сообщения воеводы М. И. Тихомирова) [Там же, л. 268].

При описании боевых действий в местах сражений пугачевцы часто упоминаются как «сборище», «неприятельская сила», «шайка», «собрание», «орда», «отчаянная сволочь» и т.д. В документах Сената зафиксировано словосочетание «бунтующая чернь» («черные люди») – люди из непривилегированных сословий, простонародье, толпа.

Тюменские чиновники в своем лексическом обиходе употребляли значительно меньшее количество слов, чем вышестоящие, ограничиваясь следующими словами: «злодей», «бунтовщик», «возмутитель», «толпа». В волостные правления они направляют: «бунтовщики», «воровская партия», «злодеи».

Во второй половине XVIII века в терминологии уголовного права понятие «вор» перестает использоваться в широком значении и употребляется как видовое преступление [2, с. 19; 9, с. 12]. Это подтверждается в документах по судопроизводству Тюменского уезда, например: «воровства, людям смертного убийства, домам и хлебу сожegov не чинивал», «пойманных им воров с краденым у него в дому пеплом зольным», «похитя те пожитки из чулана пришли воры к избной двери» и т.д. [6, с. 87, 73, 107].

В условиях приближения пугачевщины к Тюменскому уезду воровство – вор – воровской используется в общеродовом значении как преступник вообще, например: «известно, что злодейская воровская партия стремится прийти сюда в экономическое село Спасское. О движениях самозванцевой толпы разведывать»; в допросных речах подозреваемых в организации местного бунта в Тюмени в январе 1774 г.: 1) Алексей Мандоровский (72 года, бывший ссыльный): «имел намерение, когда воровская толпа в Тюмень вступит, то коменданта и других начальников убить»; 2) Данила Евдокимов (57 лет, прозвание «бритава»): «от Ряскина слышал, что когда злодейская самозванцева партия приедет, грозитя начальников города прирезать» [4, д. 5454 а, л. 3, 4, д. 5536, л. 367]. Вор – тот, кто грабит, убивает; кто устраивает мятеж; преступник, совершающий деяния против личности, частной собственности, государства.

Для сравнения: из промемории Исетской комендантской канцелярии: «крестьяне приведены присягой в верность под именем покойного императора Петра Третьего»; из Спасской вотчины (Тюменский уезд): «воровское собрание посылает своих старейшин [пугачевцы-агитаторы, которые приводили к присяге]. Боясь де их воров и все к ним пойдут, из чего их воровское собрание умножается»; или: «приезжает воровская сила»; «от воровской партии нападения не было» и т.д. [Там же, д. 5536, л. 162, 218, 306, 346].

Таким образом, если заданная центральной властью вариативность наименований государственных преступников («самозванец», «мятежник/бунтарь», «разбойник» и др.) незначительно расширяется в губернском правлении за счет наименований, способных адекватно называть дифференциальные признаки аномального явления («против народной тишины», «неприятельская сила»), то в уездном – резко сокращается и сужается («бунт», «разбой»), а в волостном – сводится к родовому и обобщенному понятию «вор», характерному для старой приказной системы.

Пугачевщина в сознании обывателей Тюменского уезда складывается через восприятие ее же действий, посредством «тиражирования» копий правительственных указов (например, Манифест Екатерины II «О государственном злодее и его сообщниках», Манифест «О поимке Емельяна Пугачева» и др.) и озвучивания их во всех присутственных местах и церквях уезда («через каждые три дня»). При этом представлен был весь «набор» лексем, заданных центральной властью. Населению акцентировался антиправительственный характер восстания, победы правительственных войск (взятие Татищевой крепости, Троицкой крепости, освобождение Оренбурга и т.д.), цитировались факты погромов и убийств мирных жителей пострадавших территорий и т.д. Это можно рассматривать как проведение «информационно-психологической войны», т.е. борьбу за сознание.

Действия жителей Тюменского уезда как «ответ» на информационные потоки

Влияние общего информационного потока, как устного для основной массы населения, так и письменного для ограниченного круга, в основном местных чиновников, было различным. Каждый житель вынужден был оценивать происходящие «по соседству» события и определять свою возможную позицию в дальнейшем.

Основная часть торгово-ремесленного населения города, ямщиков, государственных крестьян, проживающих в городе, остались верноподданными государыне («отозвались единодушно быть в непоколебимой к Ея Императорскому Величеству всеподданнейшей верности и усердии») [Там же, л. 218]. Эта категория населения оказывала всяческую помощь для обороны города (привозили свой брус, доски; строили укрепительные сооружения; отдавали лошадей для подвод и т.д.). Почти все мужское население (от 15 до 50 лет) участвовало в несении караула на основных дорогах. Немногочисленные дворяне отказались покинуть город и отправлялись на выполнение различных боевых заданий (разведка, организация караульных постов, сопровождение секретных материалов и т.д.).

Многие жители уезда ушли воевать и сражались в составе правительственных войск. В документах встречается информация о формировании добровольных отрядов [3, д. 109, л. 3-5, д. 763 а, л. 66-67].

Однако были и очаги бунтарских выступлений как в уезде, так и в самом городе. По мере приближения восставших к границам уезда волнения в населенных пунктах усиливались, и многие жители принимали сторону восставших, что подтверждается рядом фактов. В Белослудской слободе 15 февраля 1774 г. взбунтовались крестьяне и избивали местных представителей власти. В Устьнищынской слободе 1 марта 1774 г. зафиксировано неподчинение крестьян. В Тюмени было задержано 65 подозреваемых в организации бунта. Многочисленные фрагменты документов зафиксировали массовые крестьянские волнения: на крестьян «положится не можно», «по усмотрению бунтовщиков вскоре побрататься могут» и т.д. [4, д. 501, л. 104, 109, д. 5454 а, л. 2-31, д. 5536, л. 300, 376, 448-449].

Часть крестьян колебалась в выборе своей позиции и направляла письма в воеводскую канцелярию: «Что нам делать? Боясь де их воров и все к ним пойдут, из чего воровское собрание умножается» [Там же, д. 5536, л. 218].

Заключение

Интерпретация исторических источников показала, что восприятие Пугачева как руководителя народного движения в Тюменском уезде оказалось второстепенным по причине его отдаленности. Восприятие его армии, более точно – пугачевщины, формировалось в уезде по официальным и неофициальным каналам. Вся официальная информация фокусировалась в Тюменской воеводской канцелярии, а далее, при необходимости, «переливалась» в другие жанры документов или в качестве «копия с копии» поступала в волостные правления. Интенсивность тематического информационного потока приходится на период с января по февраль 1774 г., затем постепенно сокращается к лету и «исчезает» к декабрю 1774 г. Правда, в воеводскую канцелярию поступали еще какое-то время документы, связанные с препровождением колодников – участников событий до места их ссылки.

В «активных» документах, где требовались трансформация мысли и выражение официальной позиции местных составителей документов (наиболее образованной части), наблюдается уменьшение вариативности (в сравнении с вышестоящей) в употреблении слов, обозначающих номинации пугачевцев. Составители документов «отбрасывают» с непонятным для них значением слова и понятие «вор» используют обобщенно как родовую номинацию без разделения на дефиниции. И если в уездном правлении еще использовали вариации в употреблении, то в волостных они отсутствовали. «Пассивные» документы (копии с копий), пришедшие из вышестоящих инстанций и скрупулезно переписанные копиистами, полностью передавали весь спектр лексем.

Важнейшим фактором фильтрации поступающей информации являлись особенности социально-экономического развития уезда, и прежде всего отсутствие помещичьего землевладения и развитого мануфактурного производства, что явно снимало остроту социальных противоречий. Отдаленность от центральных регионов страны и необходимость в дальнейшем хозяйственном освоении региона способствовали формированию у русскоязычного населения чувства предельного верноподданства государству. Присутствие ссыльных на фоне невысокого уровня культуры давало определенный импульс бунтарскому движению, что явно смещало общие мотивационные установки. Это сводилось к возможности повстанцам реализовать желание собственной мести, наживы, сведения счета с местной администрацией и т.д.

Фактически, если на периферии вооруженные столкновения превращались прежде всего в разбой, убийство, погромы и т.д. и были далеки от первоначального замысла пугачевщины, то восприятие самого этого аномального феномена сводилось к общему смятению в сознании, что ассоциировалось с исторической памятью Смутного времени («тушинский вор», «воровское собрание», «тушинцы» и т.д.).

Образ пугачевщины, практически в отрыве от главаря, для большинства торгово-ремесленного населения города, ямщиков, государственных крестьян уезда, за исключением отдельных категорий обывателей, под влиянием информационных потоков сформировался как крайне негативный, представляющий собой необузданную безличную стихию, сметающую все и всех на своем пути.

Перспективой исследования являются дальнейшее изучение локальной истории в экстремальных условиях с выявлением социально-экономических, политических особенностей региона, исследование поведения людей в данной исторической ситуации, анализ последствий событий в крае, а также сопоставление накопленного материала с сопредельными территориями для включения в общий контекст событий.

Список источников

1. Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773-1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М.: Наука, 1969. 360 с.
2. Голиков Л. М. Развитие терминологии уголовного права в русском языке XVIII в.: автореф. дисс. ... к. филол. н. Вологда, 2008. 26 с.
3. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. И-6. Оп. 1.
4. ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1.
5. Дмитриев-Мамонов А. И. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. СПб., 1907. 256 с.
6. Документы Тюменского нижнего земского суда (1782-1796): в 2-х кн. / авт.-сост. О. И. Голованова; под общ. ред. О. В. Трофимовой. Тюмень: Мандр и Ка, 2008. Кн. 1. 352 с.
7. Мавродин В. В. Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Восстание Пугачева: в 3-х т. Л.: ЛГУ, 1961. Т. 1. 588 с.
8. Мауль В. Я. Русский бунт как поиск традиционной идентичности (историографические и методологические заметки) // Клио. 2005. № 1 (28). С. 17-25.
9. Овчинникова М. В. Терминология уголовного права XVIII века (на материале памятников деловой письменности Забайкалья): автореф. дисс. ... к. филол. н. Улан-Удэ, 2008. 25 с.
10. Садьков А. К. Характеристика военного искусства боевых действий повстанческой армии Е. Пугачева при осаде Оренбурга // Манускрипт. 2021. Т. 14. Вып. 1. С. 71-76.
11. Смирнов Ю. Н. Современные подходы к истории восстания 1773-1775 гг. // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 5 (55). Ч. 3. С. 158-166.
12. Томсинский С. М. Под предводительством Пугачева. Повстанческое движение в Прикамье во время крестьянской войны 1773-1775 годов. Пермь: Книжн. изд-во, 1973. 76 с.

13. Golovanova O. I. Business writing as a source of studying of the events in Tyumen and the county connected with people's movement under the general guide of Yemelyan Pugachev of 1773-1775 // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Iss. 1. P. 72-82.
14. Golovanova O. I. The Tyumen County in the Period of People's Movement under Yemelyan Pugachev's Leadership 1773-1775 // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 42. Iss. 4. P. 1127-1136.

Информация об авторах | Author information

Голованова Ольга Ивановна¹, к. филол. н., доц.
¹ Тюменский индустриальный университет

Golovanova Olga Ivanovna¹, PhD
¹ Tyumen Industrial University

¹ golovanova.o@list.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 26.02.2021; опубликовано (published): 30.04.2021.

Ключевые слова (keywords): Емельян Пугачев; Тюменский уезд; бунт; воеводская канцелярия; Yemelyan Pugachev; Tyumen uyezd; rebellion; Voivode's Chancery.